

Десятое июля, ясно. Благоприятствует тому, чтобы быть фанатом, неблагоприятствует излишнему волнению.

Многие сотни раз вспоминая этот день позже, Линь Юэюэ неизменно чувствовала, что сама судьба сыграла с ней злую шутку. Но в тот самый момент в её голове осталась лишь одна-единственная мысль:

Су Синьхао, я иду к тебе!

В половине пятого утра на площади перед Пекинским центром искусства Сингуан уже вилась извилистая многолюдная очередь. Душная летняя ночь напоминала пароварку, под уличными фонарями кружились тучи мошкары, а в воздухе смешивались запахи реппелентов, бальзама Цзяюй и светящихся палочек от фандомов самых разных артистов.

Какой по счёту в очереди стояла Линь Юэюэ? Она и сама уже не могла сосчитать.

Она знала лишь то, что ещё вчера в десять вечера села на высокоскоростной поезд из Тяньцзиня, прижимая к груди VIP-билет в фан-зону, купленный на деньги, отложенные с трёхмесячной стипендии, и прижимала к сердцу тщательно сделанный плакат. На градиентном розово-голубом фоне золотым тиснением красовалась надпись: Чжу и Су — чистейшая правда, а в правом нижнем углу был наклеен созданный ею же парный чиби-портрет.

— Сестрёнка, ты фанатка пейринга Чжу и Су?

За спиной раздался робкий девичий голос. Оглянувшись, Линь Юэюэ увидела девочку с двумя хвостиками, которая прижимала к груди сольную карточку поддержки Чжу Чжисиня.

— Да! — Линь Юэюэ мгновенно воодушевилась и повернула плакат лицом к собеседнице. — Смотри, сама сделала! На лицевой стороне — пейринг, на обратной — поддержка для обоих, чтобы каждый из них смог увидеть!

Глазки девочки с хвостиками заблестели:

— Какая ты крутая! Я сольная фанатка Чжу Чжисиня, но против пейрингов ничего не имею! У тебя такие золотые руки!

— То-то же, ради них двоих я целых полгода училась работать в Photoshop, — победоносно задрав подбородок, ответила Линь Юэюэ. — Честное слово, Чжу и Су — стопроцентная, самая настоящая реальность в третьем поколении. Ты видела прошлые спортивные игры? Чжу Чжисинь тайком отпил воду у Су Синьхао...

— О да, да, да! — закивала девочка с хвостиками. — А помнишь тот раз, когда от Су Синьхао сбежала курица? Чжу Чжисинь тут же бросился за ней, поймал и сам вложил Су Синьхао в

руки, так сильно о нём заботится.

— А-а-а-а!

Две незнакомые прежде девчонки завизжали посреди ночного неба в пять утра, вызвав добрый смех окружающих.

Линь Юэюэ думала, что в этом мире заставить человека подорваться в четыре утра ради очереди, кроме утренней пары в понедельник, может только фандом. И если утренняя пара способна принести лишь страдания, то погоня за кумиром заставляет чувствовать себя так, будто тебе принадлежит весь мир.

Постепенно рассвело, очередь начала медленно двигаться.

Досмотр, проверка билетов, поиск своего места, получение мерча.

VIP-билет в фан-зону, вырванный ею у перекупщиков, её не разочаровал — первый ряд, самый центр, меньше трёх метров до сцены. Она даже могла разглядеть вздувшиеся вены на руках работников сцены, когда те настраивали микрофоны.

— С этого места я смогу дотронуться до них рукой, когда они подойдут! — Линь Юэюэ тряслась от возбуждения, сделала с десятков снимков своего места с разных ракурсов и скинула их в фанатский чат, сорвав бурю завистливых ответов: Зависть уродует моё лицо и Сестрёнка, ты в прошлой жизни спасла галактику?

Хихикая, она заблокировала телефон.

На обоями экрана стояла совместная фотография Чжу Чжисиня и Су Синьхао — кадр со съёмки клипа на песню Я против Джастина Бибера. Рука Чжу Чжисиня лежала на плече Су Синьхао, а сам Су Синьхао, выиграв шуточный спор, был одет в длинное белое платье, напоминая постер молодёжного фильма.

Эту картинку она использовала уже два года, с самого старшего класса и до второго курса университета. Стоило разблокировать экран, как на целый день поднималось настроение.

В два часа дня свет в зале ровно по расписанию погас.

Вопли, похожие на цунами, хлынули с задних рядов и в одно мгновение накрыли весь зал.

Линь Юэюэ казалось, что её сердце сейчас выпрыгнет из груди. Не отрывая глаз от центра сцены, она добела сжала пальцами деревянную ручку плаката.

Зазвучала музыка.

В тот самый момент, когда грянул первый аккорд, подъёмная платформа плавно пошла вверх.

Чжу Чжисинь стоял слева, Су Синьхао — справа.

Лучи прожекторов упали на них так, будто все звёзды неба сорвались вниз и собрались в этом единственном месте.

— Су — Синь — Хаооо! —

— Чжу — Чжи — Синьньнь! —

Фанатский визг едва не снёс крышу зала. Линь Юэюэ тоже кричала вовсю, пока не охрип голос и из глаз чуть не брызнули слёзы.

Два года.

С того самого пасмурного полудня в старшей школе, когда она случайно наткнулась на видео с их выступлением на видеохостинге, эти двое стали единственным светом в её мрачной юности.

Тогда одноклассницы травили её, рюкзак выбросили в мусорку, на парте выцарапали оскорбления, и каждый поход в школу напоминал дорогу на плаху. Она не смела пожаловаться учителям, не решалась рассказать родителям и могла лишь прятаться под одеялом, снова и снова пересматривая их выступления. Наблюдала за их закадровыми видео: они заботились друг о Китае словно близкие родственники. Испытываемые ими на дне регистрации трудности отзывались в её сердце болью.

Смотрела, как они поют, как танцуют, как сияют на сцене.

А потом говорила себе: настанет день, и я тоже стану таким же ослепительным человеком.

Позже она поступила в университет, уехала из того маленького городка, и те, кто издевался над ней, давно исчезли из виду. Но любовь к Чжу Чжисиню и Су Синьхао выросла в её плоть и кровь, став частью самой жизни.

Песня перешла в припев.

Чжу Чжисинь и Су Синьхао одновременно шагнули вперёд.

Кровь ударила Линь Юэюэ в голову.

Они подошли к самому краю сцены. Чжу Чжисинь махал левой стороне, Су Синьхао складывал сердечки для правой. Расстояние до Су Синьхао было таким...

Настолько близким, что она смогла рассмотреть крошечную родинку на его ключице.

Линь Юэюэ безумно замахала плакатом, сорвав голос до неузнаваемости: Чжу и Су — чистейшая правда! Чжу и Су навсегда вместе! Су Синьхао, ты видишь?! Чжу и Су — чистейшая правда! —

Она кричала с такой силой, что в глазах потемнело и заплясали искры.

Но ей было всё равно. Су Синьхао стоял всего в трёх метрах, и он даже улыбнулся в её сторону...

Эта улыбка напомнила первый лучик весеннего солнца, пробивающийся сквозь облака.

Линь Юэюэ почувствовала, как её сердце резко сжалось.

А затем.

Затем она перестала слышать собственный крик.

Шум вокруг отхлынул, словно прилив, и в ушах остался лишь глухой гул. Мир перед глазами поплыл, сценические огни рассыпались на расплывчатые пятна, словно на полотнах импрессионистов.

Она увидела, как Су Синьхао сделал ещё шаг в её сторону, будто отвечая на страсть фанатки.

Ей хотелось крикнуть ещё раз: Су Синьхао.

Но голос застрял в горле, не желая выходить.

А потом она заметила, что рука, державшая плакат, опускается вниз.

Нет.

Опускалась не рука.

Вниз падало всё её тело.

Дрянь.

Последней мыслью Линь Юэюэ стало:

Кажется, я падаю в обморок.

— А-а-а! Кто-то упал в обморок! —

— Охрана! Быстрее сюда охрану! —

— Юэюэ? Линь Юэюэ?! Не пугай меня... —

— Разойдитесь! Все расступитесь! —

Визги из безумных превратились в испуганные.

Девочка в самом центре первого ряда VIP-зоны вдруг рухнула вперёд, словно марионетка с оборванными нитями, зажатый в руке плакат вылетел, описал в воздухе дугу и упал на сцену.

Всё произошло слишком быстро.

В тот момент Су Синьхао как раз общался с залом.

Автограф-сессия только что закончилась, настало время свободного общения с фанатами. По регламенту им предстояло обойти сцену по краю, давая пять зрителям из первого ряда, принимая письма и подарки.

Когда он услышал крик Чжу и Су — чистейшая правда, ему на мгновение стало смешно.

Эти фанатки пейрингов, почему они каждый раз придумывают такие новые фокусы.

Он бросил взгляд в сторону источника звука и заметил покрасневшее от волнения кругленькое личико, поразительно сияющие глаза и позу с плакатом, будто та держала в руках динамит.

Довольно мило.

Подумав так, Су Синьхао бессознательно шагнул в её сторону, собираясь принять из её рук размахиваемый конверт.

И тут он увидел, как этот блестящий взгляд внезапно потерял фокус.

Тело девочки словно лишилось всех сил, и её качнуло прямо вперёд.

Плакат улетел.

Конверт тоже улетел.

А направление, в котором она падала...

Приходилось как раз на него.

Рефлексы Су Синьхао сработали в ту же секунду. Он попытался отступить в сторону, но расстояние между VIP-местами и сценой было слишком малым, а падала девочка слишком быстро...

Всё произошло в доли секунды.

Он слышал глухой стук.

А затем в груди отозвалось тупой болью.

Это был звук удара лба о грудь.

От этого толчка Су Синьхао отшатнулся назад, и каблук его сценического ботинка соскользнул с края сцены в пустоту.

Позади кто-то закричал: Осторожно.

Он попытался за что-нибудь ухватиться, но кончики пальцев лишь бессильно рассекли воздух.

А затем затылок ударился о край ступеньки сцены.

— Бам! —

Этот звук был глуше и тяжелее предыдущего.

Перед глазами Су Синьхао вспыхнула белая вспышка.

В последние мгновения сознания он успел заметить фигуру Чжу Чжисиня, мчавшегося с другого края сцены, и перекошенное от ужаса лицо менеджера.

И тогда...

Всё стихло.

Свет.

Всюду был один лишь белоснежный свет.

Линь Юэюэ казалось, что она парит в тёплой воде, а во всём теле не осталось ни унции веса. Сознание походило на растерзанную вату, оно плавно и бесформенно покачивалось.

Кто я?

Где я?

Что только что произошло?

Она попыталась вспомнить, но память словно заволокло матовым стеклом — всё виделось смутно и нечётко.

Только вот в этом свете, кажется, находился кто-то ещё.

Силуэт — такой же размытый и растерянный.

Они смотрели друг на друга сквозь пелену матового стекла.

А потом...

— Су Синьхао? Су Синьхао! Очнись! —

Голос доносился откуда-то издалека, будто сквозь толщу воды.

Но Линь Юэюэ всё равно расслышала это имя.

Су Синьхао.

Это имя прозвучало словно ключ, который с громким щелчком отпер затвор памяти.

Автограф-сессия. Сцена. Су Синьхао улыбается ей. А потом у неё кружится голова, сердце колотится, в глазах темнеет...

Она упала в обморок!

Она потеряла сознание прямо перед Су Синьхао!

Какой позор!

Линь Юэюэ резко распахнула глаза.

Яркий свет заставил зрачки сузиться.

Первое, что бросилось в глаза — это лицо.

Лицо было обращено против света, и лучи очерчивали его мягкими линиями. Но даже несмотря на это, она узнала его с первого взгляда.

Соболиные брови, персиковые глаза, прямой нос, слегка сжатые тонкие губы...

Чжу Чжисинь.

Мозг Линь Юэюэ завис ровно на три секунды.

Чжу Чжисинь?!

В самый первый момент, когда она увидела Чжу Чжисиня, в её голове пронеслось вовсе не Какой красавец!, а —

— А где Су Синьхао? —

Стоило этой мысли промелькнуть, как лицо Чжу Чжисиня склонилось ещё ниже. Его персиковые глаза были переполнены тревогой и беспокойством, а голос слегка подрагивал:

— Су Синьхао? Ты меня слышишь? Ты только что ударился головой, мы уже вызвали скорую...

—

Су Синьхао.

Он снова произнёс имя Су Синьхао.

Он смотрит на меня и зовёт меня Су Синьхао.

Линь Юэюэ наконец осознала, что что-то здесь не так.

Ей хотелось заговорить, но звук, сорвавшийся с горла, показался чужим.

Она попыталась приподняться, но отклик собственного тела тоже был совершенно

непривычным.

Она машинально опустила взгляд...

Первое, что предстало перед глазами — чёрная атласная сценическая одежда.

V-образный вырез, приталенный крой, заклёпки на правом плече. На лацкане красовалась серебряная брошь в виде розы, в которую падал сценический свет, преломляясь мелкими искрами.

Эту одежду она знала.

Она видела её бесчисленное количество раз на тизер-фотографиях и рассматривала по кадрам в фанкамах.

Сегодняшний сценический наряд Су Синьхао.

Затем она осмотрела тело под этой одеждой.

Не своё.

Её собственное тело было худеньким, бледноватым и лишённым рельефных мышц.

Но это тело...

Взгляд Линь Юэюэ замер.

Она увидела ключицы.

Чётко очерченные, принадлежащие мужчине ключицы. Ниже ключиц находилась слегка вздымающаяся грудь, а глубокий V-вырез концертного костюма как раз открывал область грудных мышц, позволяя смутно разглядеть их контуры.

Грудные мышцы.

Мужские грудные мышцы.

Опираясь на весь свой эстетический опыт женщины, она клялась чем угодно, что это мужская грудь.

Линь Юэюэ подняла руку.

Пальцы — узловатые, с красивыми косточками и длинные, ногти аккуратно и ровно подстрижены. На запястье красовалась тонкая серебряная цепочка с подвеской в виде маленькой планеты.

Этот браслет она знала.

Любимое украшение Су Синьхао, которое он носил ещё со стажёрских времён — говорят, подарок мамы на день рождения. Фанаты называли его цепочкой-астероидом, хотя технически это был браслет, но иногда Су Синьхао носил его на шее.

Она знала его.

Она знала абсолютно всё.

Но проблема заключалась в том...

— Я... —

Голос выдавился из горла — хриплый, низкий, с отчётливым мужским тембральным резонансом.

Совсем не её голос.

— Почему мой голос... стал мужским?! —

Когда эта фраза слетела с губ, Линь Юэюэ услышала тембр совершенно другого человека.

Голос, который она слышала бесчисленное количество раз.

В сценических фанках, в закадровых видео, в ночных голосовых трансляциях.

Голос Су Синьхао.

Вокруг мгновенно воцарилась тишина.

Чжу Чжисинь замер.

Сбежавшиеся сотрудники замерли.

Даже охрана, поддерживающая порядок, повернула головы в их сторону.

Линь Юэюэ — нет, теперь её правильнее было называть Линь Юэюэ в теле Су Синьхао — тоже замерла.

Она сидела на полу, уставившись на собственную руку, а её мозг работал со скоростью, превосходящей любой суперкомпьютер.

Рука принадлежала Су Синьхао.

Тело принадлежало Су Синьхао.

Голос принадлежал Су Синьхао.

Что она только что сказала? Почему мой голос мужской?

Что подумают окружающие, услышав такое из уст молодого айдола?

И действительно, выражение лица Чжу Чжисиня сделалось странным.

— Су Синьхао, — он присел на корточки, понизив голос до осторожного, чуть испуганного полущёпота. — Ты... ты же ударился головой, у тебя может быть лёгкое сотрясение. Не двигайся, скорая уже едет... —

— Я... —

Линь Юэюэ хотела объясниться, но стоило открыть рот, как она тут же захлопнула его.

Она не знала, что сказать.

Не то чтобы совсем нечего сказать, просто мыслей было слишком много, и она не представляла, с чего начать.

Ей хотелось заявить: я не Су Синьхао.

Ей хотелось сказать: я Линь Юэюэ.

Ей хотелось выкрикнуть: я понятия не имею, что произошло, я просто очнулась в этом теле.

Но она лишь приоткрыла рот, издала один слоговый звук и больше не смогла выдать ни слова.

Потому что она увидела себя.

Нет, она увидела тело Линь Юэюэ.

В нескольких шагах от неё, в VIP-зоне, несколько охранников расчищали путь от визжащих фанаток. Посреди хаотичной толпы стояло пустое инвалидное кресло — судя по всему, сотрудники прикатали его, чтобы перевезти потерявшую сознание фанатку.

На кресле кто-то лежал.

Белая футболка с коротким рукавом, джинсовый комбинезон, на голове гулька. На лбу красное пятно, глаза закрыты, лицо бледное.

Это она.

Её собственное тело.

Зрачки Линь Юэюэ сузились.

Если я здесь — в теле Су Синьхао — то кто же находится в моём собственном теле?

Есть ли в том теле хоть какое-то сознание?

Или же...

Она даже не успела додумать эту мысль, как лежащая на каталке Линь Юэюэ внезапно шевельнулась.

Затрепетали ресницы.

Дёрнулись веки.

А затем...

Медленно.

Она открыла глаза.

Расстояние было слишком большим, чтобы Линь Юэюэ смогла разглядеть выражение в тех глазах. Но она чувствовала: человек, проснувшийся в её теле, тоже растерянно озирается по сторонам.

Увидел ли он её?

Увидел ли он Су Синьхао?

Сквозь толчею толпы их взгляды на долю секунды пересеклись.

А затем Линь Юэюэ услышала тишайший, слышный лишь ей звук —

Словно где-то в глубинах её сознания что-то с треском оборвалось.

Скорая приехала быстро.

От момента, когда её погрузили на носилки, и до входа в приёмный покой прошло от силы минут двадцать.

Но Линь Юэюэ показалось, что минуло лет двадцать.

Лёжа на носилках и глядя на белый потолок машины, она чувствовала, как в голове словно табун диких мустангов пронёсся.

Чжу Чжисинь сидел рядом и всю дорогу разговаривал с ней:

— Су Синьхао, как ты себя чувствуешь?

— Голова не болит? Тошноты нет?

— Ты моё имя помнишь? Кто я?

Линь Юэюэ страстно желала ответить ему.

Но боялась снова сморозить глупость при первом же слове.

Сейчас она — Су Синьхао. Она Су Синьхао. Она Су Синьхао.

Повторить трижды как мантру.

Ей нужно вести себя и разговаривать как Су Синьхао, больше нельзя мыслить по-линьюэюэвски.

Иначе быть принятой за сотрясение мозга — еще полбеды, а вот сойти за одержимую злыми духами — куда хуже.

— Я... в порядке, — с трудом выдавила она, стараясь выразиться как можно лаконичнее. — Просто в голове немного туман.

Чжу Чжисинь явно с облегчением выдохнул:

— Ты меня напугал. Ты только что нёс какую-то чушь про то, почему твой голос мужской, я уж думал, ты от удара рассудком повредился.

Линь Юэюэ: «.....»

Она так и знала, что эта фраза навлечёт беду.

— Я же... только очнулся, соображаю плохо, — кое-как выкрутилась она, после чего поспешно сменила тему: — А та фанатка? Девушка, которая на меня упала, с ней как?

Лица Чжу Чжисиня на мгновение коснулось странное выражение.

Оно длилось всего секунду, но Линь Юэюэ всё же заметила.

— Она... — Чжу Чжисинь подбирал слова. — Тоже вырубилась на какое-то время, но я видел, как она там приходила в себя, вроде всё нормально. Наверное... упал сахар плюс переизбыток эмоций, вот в обморок и шмяхнулась.

— А.

Линь Юэюэ не знала, что на это ответить.

Кто же сейчас находится в её теле?

Этот вопрос, словно холодная змея, медленно пополз вверх от самого основания позвоночника, оставляя после себя ледящий след.

Если её душа угодила в тело Су Синьхао, то душа самого Су Синьхао...

Неужели в её теле?

Если Су Синьхао очнется в её теле, что он подумает?

Популярный айдол внезапно превратился в студентку университета, да ещё и с именем Линь Юэюэ, к тому же выяснится, что она ярая фанатка его пейринга...

Линь Юэюэ передернуло.

— Холодно? — Чжу Чжисинь тут же отреагировал, подтянул плед с края койки и укутал её. — Ты простудился?

От пледа слабо пахло больничным антисептиком, но укрываться им было действительно тепло.

Линь Юэюэ автоматически бросила:

— Спасибо.

Движения Чжу Чжисиня замерли.

— Ты... с каких это пор стал со мной так официально? —

Его голос звучал озадаченно.

В груди Линь Юэюэ ёкнуло.

Пропала.

Су Синьхао и Чжу Чжисинь — многолетние напарники и по совместительству пейринг... тьфу ты, хорошие друзья, их стиль общения явно не предполагал подобной вежливости.

Её спасибо сорвалось с языка слишком привычно, по чистой привычке из светской жизни Линь Юэюэ.

— Я... я же говорю, только что ударился, соображаю плохо, — она снова вытащила универсальную отговорку про ушибленную голову, после чего поспешно скопировала обычный тон Су Синьхао в командных шоу и добавила: — Хватит болтать, когда мы приедем?

Чжу Чжисинь, похоже, успокоился:

— Скоро. Потерпи немного, в больнице тебя нормально осмотрят. Если из-за падения начнётся сотрясение, придётся менять весь график работы.

График работы.

Услышав эти четыре слова, Линь Юэюэ с ещё большим осознанием вернулась к реальности.

Она теперь не просто Линь Юэюэ.

Она теперь и Су Синьхао.

Участник популярного мужского бойс-бенда, в следующем месяце выпускающий новый альбом, в конце года отправляющийся в турне и имеющий на руках горы рекламных контрактов и телешоу.

Если она не сможет вернуться обратно, как ей со всем этим справляться?

В больнице Линь Юэюэ прошла через самый абсурдный медосмотр в своей жизни.

Её возили на компьютерную томографию головного мозга, делали электрокардиограмму, брали кровь из вены, и всё это время её сопровождали сотрудники. Менеджер, госпожа Ли, примчалась из офиса по первому звонку, побелев от испуга.

— Су Синьхао, ты меня до инфаркта довести хочешь! — тыкала она пальцем ей в лоб. — Потерять сознание на автограф-сессии от столкновения с фанаткой, ты понимаешь, какой поднялся бы скайп, если бы это утекло в сеть? Желтушная пресса в интернете уже строчит заголовки в духе: Участник известной группы подвергся жестокому нападению на фансане, ты хоть соображаешь?!

Линь Юэюэ покорно опустила голову под выговор.

Разумеется, она прекрасно понимала, чего менеджер боялась больше всего — вовсе не здоровья Су Синьхао, а раздувания шумихи в прессе. В век информационного взрыва любая мелочь способна раздуться до масштабов кризиса.

— Хорошо ещё, что компания среагировала молниеносно, запись с камер сразу забрали на отработку для пиара, — продолжила госпожа Ли. — Это действительно фанатка вырубилась первой и задела тебя, умысла нападать не было. Скоро компания выпустит заявление, и ты тоже выложишь пост в Weibo о том, что всё в порядке.

— Хорошо, — кивнула Линь Юэюэ.

— Запомни: тон должен быть лёгким, без излишнего драматизма.

— Хорошо.

— К картинке приложишь фото больничной койки, лицо светить не надо, просто снимок руки с браслетом пациента.

— Хорошо.

Она соглашалась слишком покладисто, отчего госпожа Ли посмотрела на неё с подозрением:

— Чего это ты сегодня такая послушная?

Линь Юэюэ: «.....»

Разве Су Синьхао в обычное время непослушный?

Она быстренько попыталась вспомнить образ Су Синьхао: кажется, он и правда не принадлежал к числу особо тихих и покорных. В закадровых роликах он порой препирался с менеджером, и фанаты даже нарезали из этого подборки бунтарских моментов.

— Я головой ударилась, сил спорить нет, — снова пустила в ход универсальную отговорку она.

Госпожа Ли вздохнула:

— Ладно, отдыхай как следует.

После ухода менеджера в палате наконец наступила тишина.

Лёжа на больничной койке и уставившись в потолок, Линь Юэюэ принялась раскладывать по полочкам сюрреалистичные события этого полудня.

Первое: она явилась на автограф-сессию как Линь Юэюэ, от избытка чувств грохнулась в обморок и налетела на Су Синьхао.

Второе: Су Синьхао от этого удара затылком о ступеньку тоже вырубился.

Третье: придя в себя, она обнаружила, что стала Су Синьхао.

Четвёртое: тело Линь Юэюэ тоже очнулось, но кто сейчас находится в той оболочке — загадка.

И тут возникал закономерный вопрос:

Если Су Синьхао заперт в её теле, неужели они поменялись душами?

Или же она просто в одностороннем порядке вселилась в Су Синьхао, а его собственная душа...

Линь Юэюэ не решалась продолжать эту мысль.

Она потянулась за телефоном — точнее, за телефоном Су Синьхао.

К счастью, стояла разблокировка по лицу, стоило поднести аппарат к глазам, как экран загорелся.

Сканер отпечатка тоже сработал — в конце концов, это было тело Су Синьхао.

Дрожащими пальцами она открыла WeChat и нашла чат с контактом Мама.

В окне диалога красовалась утренняя переписка.

Мама: Удачного фансана сегодня, не переутомляйся.

Су Синьхао: Понял, мам, не переживай.

Мама: Вернёшься ужинать? Я накрутила пельменей.

Су Синьхао: Не уверен, посмотрю по расписанию.

Линь Юэюэ долго вглядывалась в эти строчки.

Этот человек ещё сегодня утром переписывался с мамой насчёт пельменей на ужин.

А днём она столкнула его в обморок, выбив его жизнь из колеи на совершенно незапланированный поворот.

Чувство вины накрыло удушливой волной.

Закрыв лицо руками, Линь Юэюэ прошептала в темноте:

— Прости.

Прости, Су Синьхао.

Прости за то, что превратила тебя в это.

Если бы можно было повернуть время вспять, она бы предпочла никогда не ходить на этот фансан.

Лучше бы у неё никогда не было шанса увидеть его вблизи.

Только бы не завладевать чужой жизнью насильно подобным образом.

Но время не повернуть вспять.

Линь Юэюэ шмыгнула носом и заставила себя взять себя в руки.

Раз уж всё равно произошло, сейчас важнее всего не заниматься самобичеванием, а разобраться в правде.

Кто, чёрт возьми, находится в том теле «Линь Юэюэ»?

Она перерыла всю телефонную книжку Су Синьхао и нашла в WeChat Чжу Чжисиня.

[Су Синьхао: Ты не знаешь, в какой больнице сейчас та фанатка, которая меня сбила?]

Тот ответил моментально.

[Чжу Чжисинь: Ты её зачем спрашиваешь?]

[Чжу Чжисинь: Только не говори, что собрался навещать её лично, компания уже отправила людей со всем разобраться.]

[Чжу Чжисинь: Самое главное для тебя сейчас — как следует отдохнуть, завтра ещё репетиция.]

Линь Юэюэ прикусила нижнюю губу.

Чжу Чжисинь был прав: сейчас она — Су Синьхао, и ей не стоит проявлять чрезмерное внимание к какой-то обычной фанатке.

Но она обязана выяснить, кто находится в том теле.

От этого зависит, как им быть дальше.

[Су Синьхао: Просто немного переживаю за неё. В конце концов, она упала в обморок прямо передо мной, если что-то случится, меня загрызет совесть.]

[Чжу Чжисинь: ...С каких это пор ты стал таким добрым?]

Линь Юэюэ: «.....»

Да кем вообще по жизни был этот Су Синьхао?!

Пока она думала, что ответить, Чжу Чжисинь прислал ещё одно сообщение.

[Чжу Чжисинь: Она в смотровой палате больницы Чаоян, ничего страшного, просто падение уровня сахара в крови. Хватит забивать себе голову ерундой.]

Больница Чаоян.

Линь Юэюэ мысленно повторила эти три слова.

Сейчас они находились в Больнице Юхэ, а до больницы Чаоян ехать примерно полчаса на машине.

Её тело там.

И кто же находится в том теле?..

Она должна это выяснить.

Линь Юэюэ сбросила одеяло и на цыпочках спустилась с кровати.

В коридоре дежурили сотрудники компании, через парадный выход не пройти. Она окинула комнату взглядом и заметила окно.

Третий этаж.

Забудьте: если прыгнуть с такой высоты, проблема будет явно не в сотрясении мозга.

Придётся ждать ночи, когда бдительность сотрудников ослабнет, и тогда уже искать выход.

Линь Юэюэ снова легла на кровать и уставилась в потолок.

И тут до неё дошла одна очень, очень серьёзная проблема.

Сейчас она находится в теле Су Синьхао.

Су Синьхао — мужчина.

А это значит...

Как ходить в туалет?

Как мыться?

Как переодеваться?

Линь Юэюэ резко закрыла лицо руками и беззвучно завопила.

Мамочка, спаси.

Я вляпалась по-крупному.

В одиннадцать часов вечера, после того как медсестра закончила обход, в коридоре наконец стихло.

Сотрудники, судя по всему, решили, что Су Синьхао не станет чудить, и оставили в тупике коридора лишь одного молодого помощника. Тот время от времени сонно выглядывал из зоны отдыха и косился на дверь палаты.

Линь Юэюэ только этого и ждала.

Она бесшумно перевернулась и соскользнула с кровати. Босые ступни коснулись пола, и она на ощупь добралась до шкафа. Внутри действительно лежала повседневная одежда, в которой Су Синьхао приехал сегодня: чёрная худи с капюшоном, тёмно-серые спортивные штаны и белые кроссовки.

Слава небесам, мужская.

Будь это женская одежда, её душа Линь Юэюэ даже не представляла бы, с каким настроением её надевать.

Но даже мужскую одежду натягивать — то еще испытание.

Линь Юэюэ зажмурилась.

Снять больничный халат.

Глаза закрыты.

Натянуть худи.

Глаза закрыты.

Надеть штаны...

Нет, с закрытыми глазами это сделать невозможно.

После бурных мысленных терзаний она наконец решила прищуриться так, чтобы осталась лишь узкая щёлочка, и кое-как завершить процесс.

Не смотри на то, что недозволенно, не смотри на то, что недозволенно, не смотри на то, что недозволенно!

Лихорадочно повторяла она про себя.

Это тело Су Синьхао, но сейчас им пользуется она. Она обязана уважать эту оболочку и не смеет пользоваться случаем ради запретных вещей —

Например, тайком разглядывать кубики пресса.

Или тайком щупать кубики пресса.

Или, тем более...

Стоп!

Линь Юэюэ отвесила себе звонкую пощёчину по лбу.

— Ты пришла сюда кумиром восхищаться, а не домогаться! — шепотом выругалась она, глядя на «Су Синьхао» в зеркале.

Затем она перевела взгляд на отражение.

Лицо Су Синьхао.

Никакого макияжа, укладки нет, чёлка растрепалась и падает на лоб, прикрывая половину брови. Кожа в прекрасном состоянии, линия челюсти резкая и точёная, губы слегка поджаты — вид у него был немного встревоженный.

Раньше она видела это лицо только на экранах.

А теперь оно принадлежало ей самой.

Точнее, это она оказалась внутри этого лица.

Линь Юэюэ смотрела в зеркало и на мгновение потеряла счёт времени.

Она попыталась улыбнуться.

Су Синьхао в зеркале тоже улыбнулся.

Эта улыбка совсем не походила на ту, с которой он обычно выступал на сцене. В ней не было ни остроты, ни наигранного лоска — самая обычная, робкая и осторожная улыбка с оттенком неуверенности.

— Привет, — тихо произнесла она. — Я Линь Юэюэ.

Су Синьхао в зеркале шевельнул губами:

— Привет, я Линь Юэюэ.

Голос прозвучал слишком низко, с явным резонансом в грудной клетке.

Линь Юэюэ коснулась собственного горла.

Кадыка не было — у Су Синьхао кадык, похоже, и так не сильно выделялся, но рельеф мышц на шее совершенно не совпадал с её собственным.

Она продолжила ощупывать себя дальше.

Ключицы.

Плечи.

Руки.

Это было мужское тело.

И к тому же тело её кумира.

Линь Юэюэ снова шлёпнула себя по руке.

— Нельзя лапать!

Предупредила она Су Синьхао в зеркале.

Затем она вытащила из шкафа бейсболку и медицинскую маску, замаскировалась так, что видны были одни глаза, и тихонько приоткрыла дверь палаты.

В коридоре стояла мертвецкая тишина.

Младший помощник сидел на стуле в самом конце, его голова то и дело опускалась — судя по всему, он почти заснул.

Затаив дыхание, Линь Юэюэ прижалась спиной к стене и на цыпочках направилась к пожарной лестнице.

Каждый шаг давался так, будто она ступала по лезвию ножа.

На кону стояла карьера Су Синьхао и его публичный имидж. Если её поймут за тайным побегом из больницы, завтра жёлтая пресса снова устроит вакханалию.

Но она должна идти.

Она должна своими глазами увидеть то, что находится в том теле. Через пятнадцать минут спустя Линь Юэюэ стояла у смотровой палаты больницы Чаоян.

На стеклянной двери красовалась табличка «Смотровой кабинет», внутри стояло с десяток больничных коек, но заняты были лишь две-три.

Её койка находилась в самом дальнем углу у окна.

Линь Юэюэ сжала кулаки.

На ней кепка и маска, одета она в повседневные вещи Су Синьхао, так что узнать её никто не должен.

Глубокий вдох.

Один, два, три.

Она толкнула дверь и шагнула внутрь.

Звук шагов прозвучал в пустом помещении чересчур отчётливо. Пациент на кровати у входа заворочался, что-то пробормотал и снова провалился в глубокий сон.

Линь Юэюэ шаг за шагом приближалась к дальней койке.

Ближе.

Еще ближе.

Она разглядела человека на постели.

Это была она сама.

Круглое лицо, немного растрёпанный пучок на макушке, на лбу красуется белая повязка из марли. Кожа бледновата, но дыхание ровное.

«Линь Юэюэ» не спала.

Она таращилась широко открытыми глазами в потолок, погруженная в какие-то мысли.

Линь Юэюэ остановилась у изголовья.

Лежащая на кровати словно что-то почувствовала и медленно повернула голову.

Их взгляды встретились.

В ту же секунду Линь Юэюэ уловила в тех глазах целую бурю эмоций.

Бдительность.

Растерянность.

Подозрительность.

И едва заметный проблеск...

— Ты...

Человек на кровати заговорил.

Голос принадлежал Линь Юэюэ.

Но сама интонация, манера делать паузы — всё было совершенно ей не свойственно.

Линь Юэюэ медленно стянула маску.

Зрачки человека на кровати резко сузились.

Он узнал её.

Конечно же, узнал.

Потому что это лицо изначально принадлежало ему.

«Су Синьхао» стоял у больничной койки, глядя сверху вниз на «Линь Юэюэ».

«Линь Юэюэ» лежала на больничной койке, запрокинув голову, глядя на «Су Синьхао».

Время, казалось, застыло в эту секунду.

А затем Линь Юэюэ услышала собственный голос — с леденящим спокойствием, какого в ней никогда прежде не водилось, он произнёс фразу, от которой у неё едва не остановилось сердце:

— Это ты.

Голос на мгновение замолк.

— Значит, это ты меня так отделал?

Это был не вопрос.

Это было утверждение.

<http://bllate.org/book/20903/2113172>